

Я ничего не мог сделать.

Я не мог ничего изменить.

Я не мог никого спасти.

И все же...

"Есть только один способ решить это", - серьезно сказал я. "Соревнования по сюрикен-дзюцу. Нии-тян, ты не мог бы достать мишени, пока мы будем разбираться с правилами?"

"Да!" - сказал Сасукэ и отправился за мишенями к деревьям на близлежащем тренировочном поле. Я смотрел ему вслед и ждал, пока он не окажется за пределами слышимости.

"У тебя это плохо получается", - сказал я Итачи. "Шисуи-нии-сан умеет врать гораздо лучше. Если ты в АНБУ, то у тебя должно получаться лучше".

"Ты мне не веришь?" спросил Шисуи, прижимая руку к сердцу. Это действительно была хорошая игра, омраченная лишь игривым огоньком в его глазах.

Мне хотелось подыграть ему, высунуть язык, как ребенок, и смело заявить, что никто не сможет меня обмануть. Мне хотелось заставить его улыбаться и смеяться, а может, и взъерошить волосы, поймав его на игре. Мне нравился Шисуи. Он был милым и терпеливым и заботился об Итачи так, как я не мог. Он не заслуживал того, что с ним случилось... что с ним случится. Люди в этом мире редко заслуживали.

Это был последний раз, когда я разговаривал с ним, и одна эта мысль убивала всякое ощущение легкости. Шисуи и Итачи уловили мое настроение, когда я обратился к брату.

"Я знаю, почему ты грустишь", - тихо сказал я, и глаза Итачи заострились. "Между деревней и кланом должно произойти что-то плохое, не так ли? Вот почему все так волнуются и злятся. Вот почему в последние годы мы получали все больше оружия от Некобаа. Вот почему Асуми-Обаа-чан и Тоу-чан хотят, чтобы я изучал медицину. Верно?"

"Ты ведь заметил все это?" - спросил Шисуи, его выражение лица стало язвительным. Это не было ни подтверждением, ни опровержением, но мне и не нужно было ни то, ни другое. Я знала. Шисуи опустился на колени рядом со мной и притянул меня к себе. "Слушай, ничего плохого не случится. Мы с Итачи позаботимся об этом. Так что не стоит бояться".

"Но ты, Они-тян и Тоу-тян - самые могущественные люди в клане", - сказал я. "Если в деревне узнают, они захотят сделать так, чтобы ты не мог сражаться. Они причинят тебе боль".

Они убьют тебя.

"Ты что, совсем в нас не веришь?" спросил Шисуи, все еще игриво, но с ноткой серьезности.

Я знал, что произойдет.

Я знал.

"Ты же не хочешь никому навредить", - сказал я, глядя между ними обоими. "Если ты не хочешь причинить им боль, а они хотят причинить боль тебе, ты... ты..."

Ты умрешь.

Шисуи тяжело вздохнул. Он не слушал.

"Мы можем уйти!" сказала я, и паника закралась в мой голос. "Мы можем уйти. Нам не нужно сражаться. Мы можем просто уйти и... и..."

"Киё-чан", - сказал Итачи. Он заколебался и отвел взгляд. "Нам больше некуда идти".

Это был не период Воюющих государств, когда кочевые кланы ниндзя могли просто собраться и перебраться в более безопасные места. Были нарисованы карты. Создавались деревни. Клан Учиха был могущественной силой во времена своего расцвета, но против целой скрытой деревни он был никем. Итачи, Шисуи и Фугаку были нестандартными. Они были редкими гениями. Большинство же были похожи на Микото, которая не ходила на миссии уже 15 лет, на Асуми-Обаа-тян, которая никогда не была бойцом, или на Фумико, которая была ранена и больше не могла сражаться.

Нет, нам некуда было идти. Может быть, в другой деревне и согласились бы принять нескольких членов, пообещав, что мы будем родословной, но никто не принял бы целый клан, предавший свою родную деревню. Никто не станет нам доверять, и любая ситуация, в которую мы попадем, будет в разы хуже той, которую мы покинули.

Коноха была тем холмом, на котором мы должны были умереть.

Должно быть, что-то из моих мыслей отразилось на лице, потому что Шисуи притянул меня к себе и обнял.

"Я не хочу, чтобы ты умирал", - сказал я ему в грудь.

"Я не буду", - пообещал он.

Лжец.

Он был слишком нежен, слишком добр.

Хотелось протестовать, бороться. Но тут Сасукэ вернулся с мишенями, и Шисуи выпрямился.

"Что ж, после долгих споров я вынужден признать, что Итачи определенно сильнее", - сказал Шисуи с неизменной улыбкой.

"Ааа..." Сасукэ застонал, лишившись возможности увидеть Итачи и Шисуи в действии. Он запротестовал, но Шисуи рассмеялся, вскинув руки в знак поражения. Итачи лишь сказал, что пора идти домой.

Итачи взял нас с Сасукэ за руки и повел обратно в главный комплекс. Оглянувшись, я увидел, что Шисуи смотрит на нас с задумчивым выражением лица, его рот был сложен в решительную линию, а глаза Шарингана покраснели, запечатлев этот момент в его памяти на всю оставшуюся жизнь.

"Прощайте, Шисуи-нии-сан", - сказал я.

Это было прощание в последний раз.

На следующее утро тело Шисуи было найдено в реке, очевидно, в результате самоубийства, и Итачи сразу же попал под подозрение. Меня не было дома, когда полиция приехала разбираться, но Сасукэ рассказал мне об этом позже тихим, обеспокоенным тоном. Я не мог припомнить, чтобы Итачи когда-нибудь ударил кого-нибудь в гневе, по крайней мере, когда был дома. Да и вообще, если не считать стычки с обидевшим меня генином, я не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь был по-настоящему зол.

Разозлился? Изредка.

Раздражен? Конечно.

Разъярен настолько, что нападает на членов нашей семьи? Никогда.

Я нашел его сидящим на веранде и смотрящим в пространство. Его меч лежал на перилах рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, если он понадобится. Я колебался всего мгновение, прежде чем подойти и сесть рядом с ним. Он никак не отреагировал, не поднял глаз и не признал меня. Я обняла его, но его тело было твердым, как камень, и он не позволил мне вывернуться из-под его руки, как я делала много раз до этого. Вместо этого я прижалась щекой к его бицепсу.

На этот раз он не заплакал, но я этого и не ждала.

"Что бы ты ни чувствовал, через что бы ни проходил, я здесь", - сказала я, крепче прижимая его к себе. "Даже если тебе кажется, что ты не можешь говорить об этом, я все равно здесь".

Он никак не отреагировал.

Сможет ли он увидеть правду после смерти Шисуи?

Может ли он, получив Мангекё Шаринган, понять, что ему придется сделать?

"Это не твоя вина", - сказал я. Он вздрогнул, лишь небольшое движение, которое я бы не почувствовала, если бы не обхватила его руками. Это была не его вина. Он не знал. Шисуи был таким сильным. Он не мог знать.

Но я-то знала.

Я знал.

И я ничего не сделал.

"Но ты все еще здесь, - сказал я. Пока. Но не надолго. Через несколько месяцев он убьет весь клан. Всех, кроме Сасукэ. А потом он присоединится к Акацуки и будет жить как преступник, ожидая того дня, когда Сасукэ наконец станет достаточно сильным, чтобы убить его. И тогда он умрет. Глаза щипало, и я быстро моргал. Это не помогло. "Я рад, что ты еще здесь. Ты мой Они-тян, и я люблю тебя. И Нии-чан тоже тебя любит. И ты все еще нужна нам. Так что, пожалуйста... не умирай. Не надо... ты должен..."

Итачи был ребенком, чей самый близкий друг был убит. Шисуи погибла на его глазах, и Итачи был раздавлен под тяжестью того, что ему пришлось остановить переворот, предотвратить гражданскую войну и защитить то, что было ему дороже всего. Я был взрослым, который скоро должен был освободиться от всего этого. Я должен был быть сильным.

Так почему же я не могу перестать плакать?

Итачи нерешительно поднял руку, чтобы перекинуть ее через мое плечо. Он задержался, почти обнимая меня, но отстранился, когда стало ясно, что я никуда не собираюсь идти сам.

"Мне нужно идти", - сказал он таким же пустым тоном, как и его глаза.

И он оставил меня там.

Все, что я делала, не имело значения.

Я не могла ничего изменить.

...

<http://tl.rulate.ru/book/104188/3644143>